

изменение оценочной значимости слова в прагматически обусловленном контексте, которое приводит к формированию такого пласта лексики, как топиико-эмоциональная лексика, в состав которой входят слова, чей эмоциональный компонент возникает в контексте полемического дискурса и определяется сущностью проблемы, предлагаемой автором статьи для обсуждения.

Литература

1. Ильин, Д. Н. Процессы позитивизации/негативации лексического значения в русском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Д. Н. Ильин. – Ростов-на-Дону, 2005. – 178 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – 2005. – Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>. – Дата доступа : 10.02.2014.

УДК 811.111'.42':811.161.1'42

О. Н. Чалова

ОЦЕНОЧНОСТЬ И ИНТЕРРОГАТИВНОСТЬ НАУЧНОГО ДИАЛОГА

В данной статье представлены результаты коммуникативно-прагматического исследования, посвященного сопоставлению таких речевых действий, как вопрос и негативнооценочая (полемическая) реплика, которые активно функционируют в научном диалоге. Согласно результатам исследования, несмотря на разную синтаксическую структуру и наличие специфических коммуникативных целей, вопросы и критические замечания представляют собой близкие в прагматическом и функциональном отношении речевые действия, без которых существование научного диалога невозможно.

Характерными чертами научного дискурса традиционно признаются его ярко выраженные интеррогативность и оценочность [1, 2, 3, 5, 7 и др.], наиболее эксплицитно представленные в жанре научной дискуссии. Интеррогативность в научной дискуссии предполагает широкое использование различных типов вопросов, которые по сути представляют собой информационное требование, в то время как оценочность подразумевает

активное употребление полемических высказываний, основное назначение которых сводится к выражению любого вида критики (несогласие, неодобрение, негативная характеристика, сомнение и под.) к позиции оппонента.

В связи с тем что вопросы и критические замечания имеют статус обязательных компонентов научного общения и в ряде лингвистических исследований рассматриваются в тесной взаимосвязи [2, 3, 5 и др.], в настоящей работе предпринимается попытка соотнести эти два вида действий с точки зрения нескольких прагматических параметров, таких как:

- роль в развитии научного диалога,
- коммуникативная (иллокутивная) структура,
- репертуар вербальных реакций.

Остановимся подробнее на каждом из этих параметров.

Обращаясь к первому параметру, необходимо сразу отметить, что понятие «роль в развитии научного диалога» является неоднородным и предполагает как а) роль реплик в регулировании коммуникативной инициативы (далее – КИ), так и б) их прагматическую роль. Если под р е г у л и р о в а н и е м КИ подразумевается способность реплики осуществлять один или несколько типов перехода речевой инициативы (взятие, передачу, навязывание, захват, отстранение, отказ от инициативы [4, с. 214–219]), то под п р а г м а т и ч е с к о й р о л ь ю подразумевается основная коммуникативная цель высказывания (его иллокутивная функция). Так, например, роль любой ответной реплики в регулировании КИ заключается в том, чтобы взять речевую инициативу, в то время как ее прагматическая роль состоит в предоставлении определенных сведений и удовлетворении информационных потребностей собеседника.

Безусловно, с точки зрения прагматической роли (основной коммуникативной цели) интеррогативные и негативнооценочные высказывания не имеют ничего общего (цель вопроса – запросить сведения, цель полемической реплики – выразить критику). Однако, несмотря на наличие своих собственных прагматических задач, интеррогативы и негативнооценочные высказывания призваны выполнять в изучаемом виде коммуникации одну общую функцию в отношении регулирования коммуникативной инициативы – способствовать вовлечению коммуникантов в научный диалог, то есть побуждать участников научного общения взять слово, служить речевым стимулом для возникновения последующего высказывания. Другими словами, интеррогативные высказывания и критические замечания способны реализовывать один и тот же тип регулирования КИ – передачу

речевой инициативы (*Серия публикаций, да? – Да, это было опубликовано. You contradict yourself: in your paper, you did report clear differences at the same dose. ‘Вы себе противоречите, в Вашей работе, Вы четко отметили разную реакцию пациентов на одинаковую дозу препарата’ – We can explain this based only on "differential sensitivity" to the medicine ‘Мы можем объяснить это только разной восприимчивостью пациентов к препарату’*). Активно функционируя в научной дискуссии, вопросительные и полемические реплики представляют собой своего рода «двигатель» научного дискурса: они задают то «минимальное "напряжение" между адресантом и адресатом, наличие которого необходимо для возникновения речевого взаимодействия» [1, с. 182] и являются, таким образом, главными средствами активизации научного общения. Данное обстоятельство позволяет относить вопросы и негативнооценочные высказывания к одинаковому функциональному типу реплик – стимулирующим репликовым шагам – высказываниям, ориентированным на то, чтобы вызвать речевую реакцию собеседника.

Что касается коммуникативной (иллокутивной) структуры реплик, то данный параметр также позволяет рассматривать вопросы и критические замечания в качестве близких в прагматическом отношении речевых действий. О сходстве коммуникативных структур изучаемых видов речевых действий свидетельствует следующее обстоятельство. Способность вызывать ответную реакцию обуславливает наличие в вопросах и отрицательнооценочных высказываниях интеррогативной иллокуции. В собственно вопросах интеррогативная иллокуция имеет эксплицитное выражение, то есть обнаруживается благодаря традиционным языковым сигналам вопроса: инвертированному порядку слов, вопросительным местоимениям и частицам, а также особой интонацией, которая в стенограммах научных дискуссий передается с помощью вопросительного знака. Что касается негативнооценочных речевых действий, то в них интеррогативная иллокуция представлена имплицитно. В связи с этим отрицательнооценочное высказывание можно трактовать в качестве косвенного вопроса – речевого действия, имплицитно побуждающего коммуниканта (адресата) высказаться по соответствующему поводу, например:

(1): *I don't disagree with that if you make a whole organism, but we don't know that you can make an organism, and moreover, <...> we believe that trying to do that should be banned. <...> ‘Я не могу сказать, что не согласен с этим, если у Вас получится создать цельный организм, но я не уверен, что таковой вообще можно создать, и, кроме того, <...> мы считаем, что следует запретить любую попытку сделать подобное. <...>’*

(2): *No, I was referring to the embryo. You get a human embryo through somatic cell nuclear transfer with a human ovum and the whole set of 46 chromosomes. <...> 'Нет, я имел в виду эмбрион. Вы получаете человеческий эмбрион в результате соматической ядерной транспозиции человеческой яйцеклетки и полным набором 46 хромосом.'*

Хотя основная коммуникативная задача реплики 1 сводится не к запросу сведений, а к выражению сомнения в возможности провести определенный эксперимент, адресат считает необходимым вербально отреагировать на замечание собеседника и уточнить свою позицию в реплике 2, что и позволяет приписывать реплике 1 интеррогативную иллокуцию. Рассматриваемое негативнооценочное высказывание (реплика 1) фактически представляет собой апелляцию к модусу мнения собеседника, хотя и не содержит традиционных сигналов апелляции, то есть вопросов типа *Как вы считаете? Как вы думаете? What do you think? How do you think?* и под. Однако в научной дискуссии критические замечания могут сочетаться с эксплицитными апелляциями, которые лишней раз доказывают необходимость интерпретировать отрицательнооценочные действия именно в интеррогативном ключе:

(1): *Тогда следующий вопрос насчет различения экспериментальной и инновационной работы. Я с этим не соглашусь, и вот по какой причине. <...>*

(2): *Вот здесь мы сейчас разойдемся. Дело в том, что когда мы говорим «эксперимент», как мне кажется, то мы имеем в виду две разные работы.*

Строго говоря, стимулирующая реплика в приведенном диалогическом фрагменте вопросом не является, а выражает несогласие с позицией партнера (*Я с этим не соглашусь*) с последующей мотивировкой этого несогласия. Тем не менее автор стимулирующей реплики открыто призывает собеседника реагировать на нее именно как на вопрос (*Тогда следующий вопрос насчет различения экспериментальной и инновационной работы*), что подтверждает факт наличия у негативнооценочных реплик интеррогативной иллокуции (подразумевающей способность вызывать вербальную реакцию со стороны адресата).

Несмотря на наличие общей (интеррогативной) иллокуции, вопросы и критические замечания все же характеризуются несколько разным коммуникативным (иллокутивным) составом. Так, если постоянным компонентом коммуникативно-прагматической структуры вопросов является исключительно интеррогативная иллокуция (отвечающая за побуждение оппонента взять речевую инициативу), то критические замечания в обязательном порядке содержат как интеррогативные, так и негативнооценочные компоненты (выражение критики).

Как отмечалось выше, изучаемые виды речевых действий целесообразно сравнивать и с точки зрения характера вербальных реакций, которые они способны вызывать.

Как показывает коммуникативно-прагматический анализ научных дискуссий, в целом основные разновидности вербальных реакций на вопрос и типы ответных действий на критическое замечание оппонента совпадают, что можно наблюдать в нижеприведенной таблице.

Таблица 1 – Сравнение репертуара вербальных реакций на вопрос собеседника и спектра ответных действий на критическое замечание оппонента в научном диалоге

Вербальные реакции на вопрос оппонента	Вербальные реакции на критическое замечание оппонента
1) предоставление сведений / информативный ответ (<i>Сколько было таких пациентов? – Пятьдесят</i>)	1) предоставление сведений / пояснение своей позиции (<i>Нельзя отождествлять результативность и эффективность. – Я не говорила об отождествлении. Я строго развожу эти понятия</i>)
2) встречный или уточняющий вопрос (<i>Do you feel that racism has changed over time? ‘Не считаете ли Вы, что отношение к представителям другой расы изменилось со временем?’ – What do you mean? ‘Что Вы имеете в виду?’</i>)	2) встречный или уточняющий вопрос (<i>You can't say it? – Why? ‘Почему?’</i>)
3) уклонение от ответа (<i>Вы можете эти три цикла все-таки назвать? – Да, но сначала я закончу свою мысль. <...></i>)	3) уклонение от комментария (<i>You can't ignore this factor ‘Вы не можете игнорировать этот фактор’. – Well, I hope to back to it later ‘Я надеюсь вернуться к этому позже’</i>)
4) критика вопроса (<i>You are asking the wrong question. ‘Вы задаете неправильный вопрос’</i>)	4) критика негативнооценочного высказывания (<i>Я вижу здесь серьезное противоречие. – Это неважно</i>)
	5) подтверждение истинности критического замечания, выражение согласия с ним (<i>It's sounds scientific, but it's not. ‘Это кажется научным, но таковым не является.’ – I actually totally agree with you ‘На самом деле я абсолютно с Вами согласен’</i>)

Как видно из таблицы, вопросы и негативнооценочные действия имеют сходный, однако не идентичный репертуар вербальных реакций: диапазон ответных действий на негативнооценочное высказывание оказывается несколько шире, чем спектр ответов на интерrogативы.

Таким образом, несмотря на то что вопросы и критические замечания отличаются друг от друга коммуникативными целями, характеризуются очевидным несовпадением синтаксических и коммуникативно-прагматических структур и, таким образом, относятся к типологически разным речевым действиям, как в англо-, так и в русскоязычном научном диалоге они представляют собой очень близкие в прагматическом и функциональном отношении речевые действия с аналогичным иллокутивным компонентом (интерrogативным), сходным репертуаром вербальных реакций и одинаковой ролью в регулировании речевой инициативы.

Литература

1. Александрова, Н. А. Об оценке в научной дискуссии / Н. А. Александрова // Общие и частные проблемы функциональных стилей : сб. ст. / АН СССР, каф. иностр. яз. ; под. ред. М. Я. Цвиллинг. – М. : Наука, 1986. – С. 153–158.
2. Задворная, Е. Г. Виды научной дискуссии и их прагматические характеристики / Е. Г. Задворная // Стиль : междунар. науч. журн. – 2008. – № 8, – С. 213–224.
3. Иванов, Л. Ю. Семантико-прагматические характеристики текста научной дискуссии : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Л. Ю. Иванов. – М., 1992. – 292 л.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 4-е изд. – М. : УРСС, 2006. – 288 с.
5. Маслова, Л. Н. Выражение согласия / несогласия в устной научной коммуникации : гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.
6. Михайлов, Л. М. Коммуникативная грамматика немецкого языка / Л. М. Михайлов. – М. : Высш. школа, 1994. – 256 с.
7. Рябцева, Н. К. Интерrogативность научного языка / Н. К. Рябцева // Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Н. Д. Арутюнова (отв. ред.). – М. : Наука, 1989. – С. 241–258.